

УДК 342

DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-81-87

**ТЕРМИН «КОРРУПЦИОННОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ»:
ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ****А.А. КОТОВА***(Институт правовых исследований Национального центра законодательства
и правовой информации Республики Беларусь, Минск)*ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-9244-528X>

Статья посвящена совершенствованию правового регулирования такого ключевого понятия в сфере антикоррупционного законодательства, как «коррупционное правонарушение», которое содержится в ст. 37 Закона «О борьбе с коррупцией». Обращается внимание на необходимость нормативного установления перечня правонарушений коррупционного характера, влекущих административную ответственность. В данной статье делается попытка детально рассмотреть именно термин «коррупционное правонарушение», сопоставив его с «коррупционным преступлением», приводится исторический аспект данного института, сравнительный анализ с законодательством ряда стран СНГ, а также предлагается определить его легальную дефиницию, которая отсутствует в законодательстве Республики Беларусь.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное правонарушение, коррупционное преступление, должностное лицо, властные полномочия, имущественная выгода.

Введение. Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 была утверждена «Концепция национальной безопасности Республики Беларусь», в соответствии с п. 12 которой минимизация уровня коррупции признана одним из основных национальных интересов в социальной сфере.

Исторически антикоррупционное национальное законодательство начало формироваться после приобретения государством независимости, прошло достаточно долгий путь развития и становления до того, как достигло уровня системного и комплексного регулирования правоотношений, возникающих в сфере борьбы с коррупционными проявлениями (правонарушениями). Следует справедливо отметить, что в настоящее время в Республике Беларусь сформирована довольно прочная законодательная база, определяющая систему мер и принципы борьбы с коррупцией, конкретные организационные, предупредительно-профилактические мероприятия и механизмы борьбы с коррупцией, устранение последствий коррупционных правонарушений, а также предусматривающая различные виды юридической ответственности за коррупционные правонарушения.

Однако, несмотря на это в отечественном законодательстве имеется ряд пробелов в правовой регламентации предмета исследования, что, в свою очередь, закономерно вызывает определенные дискуссионные вопросы как в научном сообществе, так и среди правоприменителей. На сегодняшний день краеугольным камнем выступает вопрос правового регулирования такого основополагающего института законодательства в сфере борьбы с коррупцией, как «коррупционное правонарушение», легальная дефиниция которого в белорусском законодательстве до сих пор отсутствует. Кроме того, не сформированы и четкие перечни административных коррупционных правонарушений, коррупционных дисциплинарных и гражданско-правовых деликтов. Ввиду чего перманентное совершенствование национального законодательства по борьбе с коррупцией в условиях динамично развивающихся реалий современных общественных отношений, а также комплексное изучение данного негативного феномена наукой играет особую роль в процессе создания условий для нормального функционирования в государстве всех институтов власти, правового порядка, укрепления доверия граждан к государственному аппарату, формированию у граждан нетерпимости к коррупционным проявлениям.

В этой связи сегодня нам видится актуальным провести анализ некоторых нормативных положений национального законодательства в сфере борьбы с коррупцией с целью выработки предложений по их совершенствованию, предложения легального закрепления понятия основополагающего института «коррупционное правонарушение», четкого определения перечней коррупционных деликтов.

Основная часть. Правовым базисом борьбы с коррупцией стал Закон Республики Беларусь, принятый 15.06.1993 г. № 2399-ХІІ «О борьбе с преступностью в сфере экономики и с коррупцией», который состоял лишь из трех статей, предусматривающих меры предупреждения коррупции, а также устанавливал ряд запретов для руководителей, других должностных лиц (например, заниматься предпринимательской деятельностью, заключать сделки с негосударственными предпринимательскими структурами и др.). Кроме этого, данным законом был введен запрет должностным лицам получать вознаграждения (пользоваться услугами в любом виде) за выполнение или невыполнение своих служебных обязанностей и установлена обязанность должностных лиц государственных предприятий, учреждений и организаций представлять декларации о доходах, а также вкладах в банках и ценных бумагах, обязательствах финансового характера.

Закон 1993 г. действовал на протяжении четырех лет после чего был отменен Законом Республики Беларусь от 26.06.1997 г. № 47-З «О мерах борьбы с организованной преступностью и коррупцией», состоящим уже из 15 статей, который был в большей степени направлен на защиту прав и свобод граждан, общественных

и государственных интересов от таких особо опасных явлений, как организованная преступность и коррупция, а также определял политику государства, касающуюся борьбы с данными правонарушениями. Немаловажным, на наш взгляд, стало закрепление на законодательном уровне понятия «коррупция», а также установление перечня предупредительных антикоррупционных мер (ст. 8). Но несмотря на этот шаг вперед в развитии антикоррупционного законодательства, сохранялась актуальность его дальнейшего совершенствования, поиска новых средств и механизмов в борьбе с коррупцией, необходимость приведения отечественного антикоррупционного законодательства в соответствие с международными стандартами и нормативными правовыми актами в этой области. Так, в Республике Беларусь был принят специальный закон от 20.07.2006 г. № 165-З «О борьбе с коррупцией». В первую очередь существенной корректировке подвергся термин «коррупция», изменился круг субъектов коррупционных правонарушений; впервые были обозначены перечни коррупционных правонарушений и правонарушений, создающих условия для коррупции, при этом закон содержал только название или описание данных правонарушений без конкретизации вида юридической ответственности за каждое (стст. 20, 21).

Следствием дальнейшего поиска новых средств и механизмов, направленных на повышение эффективности борьбы с коррупционными правонарушениями, стало принятие ныне действующего Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон). Многие ключевые понятия были в данном Законе сохранены, что свидетельствует о стабильности и преемственности законодательства, направленного на противодействие коррупции. Но при этом многие нормативные положения были подвергнуты корректировке, также был введен ряд новых нормативных установлений.

Тем не менее, ни один из перечисленных законов не давал легального толкования термина «коррупционное правонарушение» и не имел прямых отсылок к действовавшим нормативно-правовым актам, устанавливающим ответственность за конкретное описанное в законе коррупционное проявление, что, на наш взгляд, нельзя признать положительным аспектом отечественного антикоррупционного правового регулирования.

На доктринальном уровне глубокие исследования в данной области отечественными учеными также не проводились, несмотря на очевидную актуальность и дискуссионность рассматриваемого вопроса. В процессе исследования эволюции законодательства о противодействии коррупции отечественным ученым А.В. Барковым было предложено общее определение термина «коррупционное правонарушение» [1]. А.М. Хлус заострял внимание на важности нормативного определения понятия «административное коррупционное правонарушение» [2]. С.Н. Шабуневич в своем исследовании также акцентировал внимание на отсутствии в отечественном законодательстве легальных понятий «коррупционное преступление» и «коррупционное правонарушение», их квалифицирующих признаков и необходимости их закрепления в отраслевых кодексах [3]. Многие научные труды российских ученых-правоведов посвящены проблемам правовой регламентации ответственности за коррупционные правонарушения. К примеру, Н.А. Кукин в одной из своих работ поднимает проблему правовой неопределенности и отсутствия законодательного соотношения (разграничения) «коррупционного преступления», «коррупционного правонарушения» и «коррупционного проступка» [4]. Кроме того, ряд научных работ, принадлежащих российским авторам, были посвящены исследуемой тематике, изучению понятия коррупционного правонарушения, состава, признаков, видов и его правовой природы (Т.Л. Козлов [5], В.В. Коробченко и Т.В. Иванкина [6], М.Б. Добробаба, С.Е. Чаннов [7], С.К. Илий [8], К.А. Буянова [9] и др.).

Безусловно, Закон 2015 г. сегодня выступает прочным фундаментом в области антикоррупционного законодательства в Республике Беларусь, он содержит детальное определение основополагающего термина «коррупция», которое раскрыто в ст. 1. Указанный Закон апеллирует также такими терминами, как «коррупционные правонарушения», «правонарушения, создающие условия для коррупции», однако дефиниции двух этих терминов в законе отсутствуют, а их суть раскрывается посредством перечисления определенных деяний: в ст. 25 Закона перечислены деяния, которые относятся к правонарушениям, создающим условия для коррупции; а в ст. 37 – деяния, которые являются непосредственно коррупционными правонарушениями.

Несмотря на имеющиеся в научном сообществе дискуссии, касающиеся предмета исследования, доктринальное толкование термина «коррупционное правонарушение» в отечественной науке на сегодняшний день не выработано. Авторским коллективом сотрудников Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь с участием практических работников Генеральной прокуратуры Республики Беларусь под общей редакцией В.М. Хомича был подготовлен комплексно-систематизированный научно-практический постатейный комментарий к Закону. Однако в нем также не была дана общая дефиниция рассматриваемому термину [10].

Следует отметить, что антикоррупционное законодательство стран СНГ также не характеризуется единством подхода к регулированию данного вопроса, в каждом государстве имеются свои особенности его правовой регламентации, выражающиеся в наличии или отсутствии понятия или перечня коррупционных правонарушений, их содержании, классификации и дифференциации ответственности. Сравнительный анализ действующих антикоррупционных законов в ряде стран постсоветского пространства показывает, что определение термина «коррупционное правонарушение» содержат законы Казахстана, Узбекистана, Украины. В подобного рода законах Таджикистана, Туркменистана раскрывается понятие «правонарушения, связанного с коррупцией», а в Законе Молдовы «О неподкупности» перечисляется, что относится к коррупционным проявлениям. В законах Российской Федерации, Азербайджана, Кыргызстана понятие «коррупционное правонарушение» не раскрывается, как и в отечественном Законе. Также следует отметить, что если в Законе Республики Беларусь отдельно закреплены перечни правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений, то в ряде других стран СНГ (например,

Российской Федерации, Казахстане, Узбекистане, Украине) такие перечни непосредственно в антикоррупционных законах отсутствуют. При этом из системного анализа закона Республики Казахстан следует, что правонарушения, создающие условия для коррупции, входят в понятие коррупционных правонарушений.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что, устанавливая ответственность за коррупционные преступления, административные коррупционные правонарушения, коррупционные проступки, коррупционные гражданско-правовые деликты, отечественное антикоррупционное законодательство не содержит определение понятий «коррупционное преступление», «административное коррупционное правонарушение». По нашему мнению, такой подход законодателя может стать результатом неточного определения уровня коррупционных правонарушений и привести к неверной оценке эффективности деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с коррупционными деликтами.

По смыслу Закона к коррупционным правонарушениям в обобщенном виде следует относить несоблюдение должностным лицом (специальным субъектом) ограничений и запретов, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов и неисполнении обязанностей, установленных антикоррупционным законодательством в целях противодействия коррупции. Как отмечалось ранее, негативным фактором следует признать тот факт, что действующее отечественное законодательство не содержит четкого перечня конкретных составов коррупционных правонарушений (за исключением коррупционных преступлений). По нашему мнению, использование подобной правовой конструкции порождает в какой-то степени неопределенность или неоднозначность понимания Закона и толкования его норм, вследствие чего предполагает свободу усмотрения правоприменителей при решении вопроса об отнесении того или иного деяния к коррупционному правонарушению.

Как следует из содержания ст. 37 Закона, перечень установленных законодателем коррупционных правонарушений является исчерпывающим, что на наш взгляд, является не совсем правильным с учетом динамично развивающихся общественных отношений и скорости трансформации форм коррупции в современном обществе. Так, ч. 1 ст. 37 Закона сегодня описывает 11 видов коррупционных деликтов, включающих в себя различные варианты коррупционного поведения. При этом законодатель не определяет вид ответственности, которая наступает за каждое из таких правонарушений (уголовная, административная, дисциплинарная или гражданско-правовая).

Определение отраслевой принадлежности с отнесением правонарушений к уголовным, административным, гражданско-правовым, дисциплинарным возможно лишь путем сопоставления норм антикоррупционного законодательства с законодательством в этих сферах. Системный анализ соотношений коррупционных правонарушений, предусмотренных ст. 37 Закона, с Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК), Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), Трудовым кодексом Республики Беларусь, Гражданским кодексом Республики Беларусь свидетельствует о том, что в перечень коррупционных правонарушений, входят 10 составов преступлений, 1 состав административного правонарушения, 3 дисциплинарных деликта и 1 гражданско-правовой. Указанное подтверждает, что понятия «коррупционное правонарушение» и «коррупционное преступление» не совпадают, первое, очевидно, гораздо шире, поскольку включает в себя не только уголовно наказуемые деяния, но и административные, дисциплинарные и гражданско-правовые деликты.

Понятие института «коррупционного правонарушения» было разработано на межгосударственном уровне и нашло отражение в Соглашении о сотрудничестве генеральных прокуратур (прокуратур) государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с коррупцией (заключено в г. Астане 25.04.2007 г.; далее – Соглашение). В ст. 2 Соглашения под коррупционным правонарушением понимается «не влекущее уголовной ответственности нарушение существующего порядка несения службы и исполнения своих профессиональных обязанностей, допущенное лицами, которые национальным законодательством государств Сторон отнесены к категории должностных лиц или приравненных к ним, если такое нарушение содержит признаки коррупции, а равно невыполнение ими запретов, правил, установленных национальными нормативными правовыми актами». Далее в ч. 1 ст. 4 Соглашения устанавливается перечень коррупционных преступлений: получение взятки; дача взятки; злоупотребление властью или служебными полномочиями; служебный (должностной) подлог; хищение путем злоупотребления должностными полномочиями, а равно присвоение или растрата чужого имущества, совершенные с использованием служебного положения. Соглашением также предусмотрена возможность отнесения иных деяний к числу коррупционных преступлений.

Во многих государствах определен отдельно перечень уголовно наказуемых деяний, которые относятся к коррупционным. Указанные перечни могут содержаться в нормативно-правовых актах различной правовой легитимности. Например, в Республике Казахстан и Украине такой перечень содержится в Уголовном кодексе, а в Российской Федерации он определен ведомственным нормативным актом.

В Республике Беларусь перечень уголовно наказуемых деяний, которые относятся к числу коррупционных, установлен совместным постановлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета Государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета Государственной безопасности Республики Беларусь и Следственного комитета Республики Беларусь от 27 декабря 2013 г. № 43/9/95/571/57/274 (далее – Перечень). К числу указанной категории преступлений относятся 10 преступлений (ст. 210, ч. 2 и 3 ст. 235, ч. 2 и 3 ст. 424, ч. 2 и 3 ст. 425, ч. 2 и 3 ст. 426, стст. 429 – 432, ч. 1 ст. 455 УК). При этом в разные периоды становления отечественного антикоррупционного законодательства указанный перечень менялся. В первой редакции Инструкции МВД о порядке заполнения регистрационных карточек единой государственной системы регистрации и учета правонарушений

(утверждена постановлением МВД Республики Беларусь от 18.08.2006 г., № 231), он включал в себя 14 видов коррупционных преступлений. Кроме того, практически идентичный перечень содержится в примечании к ст. 90 УК, который в силу положений уголовного закона распространяется на стст. 90 и 91 УК.

Как видно, в настоящее время отечественный законодатель пошел по пути сужения количества коррупционных составов преступлений, что является не совсем оправданным и логичным. К примеру, в данный перечень не включен состав такого преступления, как контрабанда, совершенная с использованием служебных полномочий (ч. 3 ст. 228 УК), и напротив, не понятно, чем руководствовался законодатель, исключая из перечня такое очевидно коррупционное преступление, как «Незаконное вознаграждение» (ст. 433 УК). Кроме того, очевиден тот факт, что не все составы коррупционных преступлений, установленные Перечнем, находят свое отражение в перечисленных в ст. 37 Закона. В этой связи видится целесообразным на законодательном уровне более тщательно и взвешенно подойти к установлению перечня коррупционных преступлений, расширить данный перечень с учетом составов УК, имеющих признаки коррупционных преступлений, а также привести его в логическое соответствие с перечнем коррупционных правонарушений, влекущих уголовную ответственность, содержащимся в Законе. На наш взгляд, перечень коррупционных преступлений должен быть расположен в общей части УК и распространять свое действие на весь уголовный закон.

Выше обозначенное Соглашение также устанавливает, что критериями, в соответствии с которыми преступление может быть отнесено к коррупционным, является следующая их совокупность:

- 1) совершение деяния, отнесенного национальным законодательством государств Сторон к преступлениям;
- 2) совершение преступления лицом, которое в соответствии с национальным законодательством государства Стороны определено как должностное, или иным лицом в форме подкупа;
- 3) наличие у должностного лица корыстных побуждений или иной личной заинтересованности;
- 4) преступное использование своих должностных полномочий и связанных с ними возможностей (ст. 3).

На наш взгляд, указанные правовые нормы Соглашения могут быть приняты во внимание в процессе совершенствования отечественного антикоррупционного законодательства, однако с учетом положений ст. 37 Закона.

То обстоятельство, что действующее национальное законодательство не содержит официального толкования того, какие из коррупционных правонарушений следует относить к иным (не уголовному) отраслям, безусловно, существенно затрудняет применение законодательства и вызывает много спорных вопросов. В этой связи видится необходимым на законодательном уровне определить, кроме перечня коррупционных преступлений, также и перечни административных, гражданско-правовых и дисциплинарных коррупционных правонарушений. В отдаленной перспективе, по нашему мнению, законодателю следует рассмотреть вопрос о выделении в КоАП отдельной главы, посвященной административной ответственности за правонарушения коррупционного характера. Подобный опыт уже имеется в практике других государств постсоветского пространства, например, в кодексе об административных правонарушениях Украины¹ имеется отдельная глава 13-А «Административные правонарушения, связанные с коррупцией», в которую включены 9 административных коррупционных деликтов, в кодексе Республики Казахстан об административных правонарушениях² – глава 34 «Административные коррупционные правонарушения», состоящая из 6 составов административных коррупционных правонарушений.

В Республике Беларусь также предпринималась попытка систематизировать административные коррупционные правонарушения в отдельную главу в период действия кодекса об административных правонарушениях 2003 года. Сотрудниками НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь был подготовлен проект Закона о внесении дополнений и изменений в указанный выше кодекс, предусматривающий включение в него главы 22-1 «Коррупционные административные правонарушения» с семью составами административных коррупционных правонарушений [11, с. 499–502], однако он не был поддержан законодателем.

В научной среде до настоящего времени не имеется единого мнения относительно необходимости концентрации коррупционных правонарушений в одной главе отраслевого кодекса.

Так, Н.М. Юрашевич, ещё в период действия Закона «О борьбе с коррупцией» 2006 г., высказывался о необходимости выделить коррупционные деликты в отдельную главу КоАП, четко дифференцировав квалифицирующие обстоятельства и санкции, скоррелировать наименования глав и статей, содержание объективной стороны конкретных административных коррупционных деликтов с аналогичными составами преступлений, помещенными в УК, разнообразить санкции по административным коррупционным деликтам, обеспечить альтернативность взыскания [12]. Диаметрально противоположной позиции в этом вопросе придерживается Н.А. Кукин, который полагает, что «выделение самостоятельных составов коррупционных правонарушений (преступлений) для каждой сферы деятельности и объединение имеющихся составов правонарушений (преступлений) в самостоятельные «коррупционные» перечни или главы отраслевых кодексов невозможны ввиду разнородности родового объекта коррупционных правонарушений (собственность, экономическая деятельность, государственная власть, военная служба и т.п.) и, соответственно, их рассредоточения в разных нормативных правовых актах, так и в главах отраслевых кодексов даже при наличии общих коррупционных критериев и признаков. В связи с попытками упорядочивания рассматриваемых отношений может возникнуть опасность необоснованного расширения понятия коррупционного правонарушения» [4].

¹ URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30418317#pos=6;-142.

² URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31577399#pos=5;-140.

Наши взгляд и позиция в этом вопросе совпадают с мнением ученых-правоведов, которые находят необходимым и оправданным объединение административных составов правонарушений коррупционной направленности в одну главу. Полагаем, что указанная корректировка закона позволит унифицировать и систематизировать административные коррупционные деликты, четко очертить их границы, а также устранить имеющуюся правовую неопределенность и ограничить усмотрение правоприменителей при идентификации административных правонарушений как коррупционных.

Для правильного понимания сути коррупционного правонарушения в первую очередь необходимо установить его легальное толкование в Законе (ст. 37), а также определить критерии, по которым правонарушение следует относить к коррупционному. В самом общем виде дефиниция коррупционного правонарушения была сформулирована в Модельном законе «Основы законодательства об антикоррупционной политике» (постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ № 22-15, Санкт-Петербург, 15.11.2003 г.), согласно ст. 2 которого «под коррупционным правонарушением понимается деяние, обладающее признаками коррупции, за которое нормативным правовым актом установлена гражданско-правовая, дисциплинарная, административная или уголовная ответственность». При таком подходе единственным критерием дифференциации коррупционных правонарушений определен вид ответственности, установленной за их совершение. К тому же, наряду с такой конструкцией должны быть также четко определены и признаки коррупции.

В 2022 г. в Астане было заключено Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых государств о противодействии коррупции (заключено в г. Астане (Нур-Султане) 14.10.2022 г.), которое закрепило следующее понятие коррупционного правонарушения: «это деяние (действие или бездействие), обладающее признаками коррупции, за которое законодательством Сторон установлена административная, гражданско-правовая или дисциплинарная ответственность». Далее предлагаем рассмотреть некоторые научные воззрения по вопросу определения содержания термина «коррупционное правонарушение».

К примеру, Т.Л. Козлов предлагает понимать под коррупционным правонарушением «употребление публичным лицом своего публичного положения в частных целях вопреки законным интересам общества и государства для получения преимуществ, а также нарушение нормативно установленных правил, предназначенных для предупреждения коррупции, влекущие юридическую ответственность, установленную законом» [5]. С такой же позиции определения через призму конфликта между публичным и частным интересом коррупционное правонарушение рассматривает и А.Д. Ильяков, утверждая, что «в основе любого коррупционного правонарушения лежит конфликт интересов лиц, занимающих публичные должности в системе государственного управления и обладающих в связи с предоставленными им государством полномочиями соответствующим влиянием, которое может быть использовано ими в личных интересах, в том числе вопреки интересам государства» [13]. А.В. Башан определяет коррупционное правонарушение как «виновное действие (бездействие) государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица, за которое нормативными правовыми актами в сфере борьбы с коррупцией предусмотрена уголовная, административная, гражданско-правовая либо дисциплинарная ответственность» [14, с. 46]. С.К. Илий трактует правонарушение коррупционной направленности как «действие (бездействие) физического или юридического лица, совершаемое умышленно либо по неосторожности как с использованием своего служебного полномочия, так и с отступлением от своих прямых прав и обязанностей» [8, с. 465]. О.В. Ванновская дает определение коррупционного правонарушения с позиции социального статуса личности: «коррупционное поведение является разновидностью социального поведения, представляет собой поступки и действия должностного лица, затрагивающего интересы отдельных лиц, групп, общества» [15, с. 102].

Рассмотренные дефиниции в достаточной степени коррелируют с действующим отечественным антикоррупционным законодательством. Кроме того, анализируя разные научные воззрения по вопросу дефиниции «коррупционное правонарушение», можно с большой долей уверенности констатировать наличие общей юридической основы в применяемых учеными-правоведами подходах, которые базируются на имеющемся в теории государства и права определении понятия «правонарушение».

Заключение. Оставаясь одним из самых пагубных явлений в современном мире, коррупция препятствует нормальной реализации гражданами своих прав в различных сферах: здравоохранения, образования, социального обеспечения, имущественных отношений и др. Борьба с этим негативным явлением – одна из важнейших задач государства и общества, а для достижения эффективных и положительных результатов в таком противодействии уполномоченные государственные органы и общество должны иметь четкие и понятные правовые механизмы, установленные законодательством. Любая правовая неопределенность в сфере законодательства по борьбе с коррупцией должна быть исключена. На основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы:

1. Точкой отсчета в формировании национального антикоррупционного законодательства следует считать 15 июня 1993 г., когда был принят Закон Республики Беларусь «О борьбе с преступностью в сфере экономики и с коррупцией», разработка которого была продиктована необходимостью в период становления государственности и с учетом перехода к рыночной экономике обуздать нараставшие коррупционные проявления как существенное препятствие для развития нормальных экономических отношений. Однако нормативное закрепление термина «коррупционное правонарушение» произошло гораздо позже, когда 20 июля 2006 г. была принята новая (третья по счету) редакция Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией». Законодатель счел целесообразным его изложить не в виде обобщенной формулировки, а как описание десяти противоправных деяний, влекущих ответственность в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь. Четвертая редакция

Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 15.07.2015 г. не внесла существенных изменений в рассматриваемое понятие, и на сегодняшний день оно представляет описание одиннадцати исчерпывающих противоправных деяний, которые отнесены к категории коррупционных и в соответствии с законодательными актами за совершение которых предусмотрена уголовная, административная, дисциплинарная и гражданско-правовая ответственность.

2. Сравнительный анализ антикоррупционного законодательства государств-участников СНГ свидетельствует о том, что отдельные государства (Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина) восприняли рекомендации новой редакции модельного закона «О противодействии коррупции» (Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств № 31-20 от 25.11.2008), где понятие «коррупционное правонарушение» сформулировано в обобщенном виде. Другие государства используют понятие коррупционного правонарушения, но не раскрывают его содержание (Российская Федерация, Азербайджан, Кыргызстан). Первый подход, по мнению большинства исследователей, является более целесообразным, поскольку уходит от закрытого перечня коррупционных правонарушений, который не позволяет учитывать возникающие со временем новые проявления коррупции, в том числе влекущие дисциплинарную ответственность, а совершенствование антикоррупционного законодательства в этой связи всегда запаздывает.

3. Предлагается следующая авторская дефиниция понятия «коррупционное правонарушение», которую целесообразно включить в ст. 1 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 15.07.2015 г. № 305-3 (в ред. от 24.05.2024) «Основные термины и их определения, применяемые в настоящем Законе»:

Коррупционное правонарушение – это противоправное, виновное, общественно опасное деяние (действие или бездействие) физического или юридического лица, как с использованием своего служебного положения, так и с отступлением от своих прямых прав и обязанностей, а также содержащее признаки коррупции, определенное национальным законодательством, за совершение которого нормативными правовыми актами предусмотрена уголовная, административная, дисциплинарная либо гражданско-правовая ответственность.

Наряду с вышеуказанным термином необходимо ввести также понятие «коррупционная преступность» как составную часть коррупционного правонарушения, а также нормативно закрепить не только перечень коррупционных преступлений, но и составы коррупционных правонарушений, влекущих административную ответственность. Это позволит не только более точно оценивать пораженность коррупцией различных сфер общественных отношений, но и проиллюстрирует эффективность принимаемых правоохранительными органами профилактических мер по противодействию коррупции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барков А.В. Эволюция законодательства о противодействии коррупции // Право.by. – 2014. – № 6. – С. 5–8.
2. Хлус А.М. Административные коррупционные правонарушения: теоретические и прикладные проблемы [Электронный ресурс] // Верховенство права: человек в государстве: сб. науч. ст., докл. преподавателей, ученых, практиков-участников Междунар. очно-заоч. науч.-практ. конф., Ижевск, 20 апр. 2017 г.: в 2 ч. / Всерос. гос. ун-т юстиции, Ижев. ин-т (фил.); науч. ред. Е. В. Федорова. – Ижевск, 2017. – Ч. 1. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
3. Шабуневич С.Н. О некоторых направлениях совершенствования законодательства о юридической ответственности должностных лиц за совершение коррупционных правонарушений // Конституционно-правовые основы противодействия коррупции как важнейшее условие обеспечения устойчивого социально-экономического равновесия: сб. материалов круглого стола, 4 марта 2017 г., Минск / БГУ; редкол.: Г.А. Василевич и др. – Минск: БГУ, 2017. – С. 155–163.
4. Кукин Н.А. Коррупционное правонарушение научно-практические проблемы определения понятия, состава, субъекта // Молодой ученый. – 2020. – № 16(306). – С. 93–101.
5. Козлов Т.Л. О правовой природе и содержании коррупционного правонарушения // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 1. – С. 268–273.
6. Коробченко В.В., Иванкина Т.В. Правовая природа ответственности гражданских служащих за коррупционные правонарушения // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 7. – С. 31–41.
7. Добрабаба М.Б., Чаннов С.Е. Ответственность государственных служащих за коррупционные правонарушения: проблемы оптимизации модели // Журнал российского права. – 2021. – № 11. – С. 88–101.
8. Илий С.К. Административные правонарушения коррупционной направленности // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 5. – С. 460–468.
9. Буянова К.А. Коррупционное деяние в XXI в.: международные стандарты и национальные подходы // Административное право и процесс. – 2023. – № 2. – С. 64–68.
10. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» / А.В. Барков и др.; под общ. ред. В.М. Хомича. – Минск: Амалфея, 2017. – 603 с.
11. Коррупционная преступность: криминол. характеристика и науч.-практ. комментарий к законодательству о борьбе с коррупцией / В.В. Асанова и др.; под общ. ред. В.М. Хомича – Минск: Тесей, 2008. – 504 с.
12. Юрашевич Н.М. Состояние и тенденции развития антикоррупционного законодательства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
13. Ильяков А.Д. Урегулирование конфликта интересов как основной способ предупреждения коррупции в системе государственного управления // Современное право. – 2016. – № 4. – С. 32–36.

14. Противодействие коррупции: учеб. пособие / А.В. Башан и др.; под общ. ред. А.В. Башана; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск: Академия МВД, 2022. – 164 с.
15. Ванновская О.В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 102. – С. 323–328.

Поступила 09.09.2024

**THE TERM "CORRUPTION OFFENSE":
CONCEPT AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION**

A. KOTOVA

(National center of legislation and legal information of the Republic of Belarus, Minsk)

The article is devoted to the improvement of legal regulation of such a key concept in the field of anti-corruption legislation as "corruption offense", which is contained in Art. 37 of the Law "On the Fight against Corruption". Attention is drawn to the need for a normative establishment of a list of corruption offenses that entail administrative liability. This article attempts to examine in detail the term "corruption offense", comparing it with "corruption crime", provides a historical aspect of this institution, a comparative analysis with the legislation of a number of CIS countries, and also proposes to determine its legal definition, which is absent in the legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: *corruption, corruption offense, corruption crime, official, power, property gain.*